

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

Если ты слышишь...

Старый кнопочный телефон красного цвета, подключенный проводом к соответствующей розетке на стене.

Одиннадцать цифр: выход на межгород, код населенного пункта, четырехзначный номер городского телефона – в Кватервиле около шести тысяч жителей.

Гудки. Тринадцать гудков. Уже подсчитано. Потом щелчок и сброс. Пометка в списке.

Новый номер.

Тринадцать гудков. Сброс. Вычеркиваю.

Следующие одиннадцать цифр из списка.

Снова нет ответа.

Еще одна попытка. И еще. И еще...

Ни одного ответа.

Смотрю на распечатку телефонной книги. За сегодня двести. Итого тысяча номеров позади. Осталось еще полторы.

Мне просто очень нужно туда дозвониться.

Оглядываться. Не забывать оглядываться. Сейчас все так делают на улицах. Регулярно вертят головами. В целях безопасности.

Они делают это, потому что больше не надеются на слух.

Я делаю так, чтобы никто не заподозрил, что я отличаюсь от них.

Меня зовут Руди Кравец, и я – слухач. То есть, по меркам былого времени я совершенно заурядный молодой человек. Обо мне и сказать-то нечего. 22 года, средний рост, средний вес. Студент, сейчас уже получается, бывший. Единственный нюанс – прокатившуюся по планете пандемию вируса А1Н7N9, сделавшего глухими 90% населения и получившего за это название «Уховёрт», я пережил без последствий. Я тоже заболел, причем в числе первых. Насколько я знаю, откосить от болячки не удалось никому, просто кого-то она накрыла сразу, а кто-то держался еще несколько недель, прежде чем слечь. Симптомы гриппа, тошнота, высокая температура, боль в мышцах, через пару дней осложнение на уши. Вскоре человек в целом выздоравливал и поднимался с постели, но уже глухим. Навсегда. Некоторым, как мне, повезло. У нас в организме имелся некий аутоантиген, дававший дополнительный иммунитет против вируса. Во время болезни слух мы теряли лишь частично, а потом и вовсе все приходило в норму.

Вот только по настоящему счастливыми нас трудно назвать. Обозленные своим увечьем глухари, возненавидели таких, как я. Не буду утверждать, что все поголовно, нормальных людей хватает, но доверять уже нельзя никому.

Я не знаю, откуда взялась эта ненависть. Всегда и во все времена из среднестатистической массы людей кто-то выделялся. Красотой, или силой, или талантом, или деньгами. Им завидовали, да, разумеется. Но встреченную на улице красотку-фотомоделю не лупили сумочками толпы менее симпатичных дамочек, звезду баскетбола не выслеживала с битами свора коротышек, талантливый певец не ждал плевок в спину от кого-то, не имеющего голоса. Так откуда это взялось?

Ответ есть лишь один – раздражительность, злоба, ненависть – производные вируса, что бы там ни доказывали доктора и ученые, мол, на биологическом уровне это не подтверждено. Вирус изменил людей. После расправы с ди-джеем Старки, последним ведущим последнего радио, который из любви к своему делу продолжал в одиночку вещание не смотря ни на что, меня никто не убедит в обратном. Шайка пьяных полоумных глухарей забила его до смерти прямо на выходе из студии.

Ублюдки! В голове не укладывается, что с людьми, сотворившими такое, мы раньше могли сидеть за одной партой, покупать продукты в одном магазине, пить пиво в одном баре...

Впрочем, почему «могли»? Они и сейчас рядом, никуда не съехали, скрываются под личиной овечек, но как только узнают, что ты – слухач, превратятся в тех, кто они есть на самом деле – самых настоящих зверей, хищников.

Полиция? Да что она может в этих условиях!? Сил у них хватает лишь на патрулирование улиц. Как срочно вызвать помощь, если на том конце линии тебя не слышат? Электронным письмом? Смской? Хотя... вроде как на телефоне пожарных сидит слухач. Наверное, и в полиции так же. Нет желания проверять. Да и не завидую я этому слухачу – пусть на работе его и не тронут, но кто-то на стороне наверняка уже точит на него зуб и ждет только подходящего случая куснуть исподтишка.

Скоро придет до того, что нас, слухачей, будут вычислять и отлавливать. Или под расстрел, или в гетто. При малейшем подозрении сделать это проще простого – подкрасться сзади, например, и хлопнуть бумажный пакет. Вздрогнул от неожиданности – попался.

Возможно, я преувеличиваю. Я был бы рад, если так.

Но мир сошел с ума. И это не подлежит сомнению.

Так что, не забывать оглядываться...

Я и не забываю. Держу ухо остро, как говорится в неактуальной нынче поговорке. Осторожность прежде всего. Я в центре города, вокруг люди, и одному Богу известно, кто из них нормальный человек, а кто съехавший с катушек псих, готовый вцепиться в меня и линчевать на месте.

Вообще-то я стараюсь без особых причин не шляться по улицам, но и сидеть дома с родителями подчас невыносимо. Они, увы, потеряли слух. Отец еще ничего – он портной, сохранил работу, хотя депрессия накрыла его по полной. А вот мать... Она у меня была актрисой в труппе местного театра и, хотя никогда не получала ведущих ролей, театр был ее жизнью и вот... Театр закрыт. Также, впрочем, как и мой университет. Как кинотеатры, дискотеки, концертные залы. И хотя заявления от правительства полны оптимизма, мол, всё наладится, ученые обязательно найдут способ вернуть человеку слух, причем в самое ближайшее время, я в это не верю. Ведь своими глазами прекрасно вижу, что прежняя жизнь разваливается и мир летит под откос.

Чтобы не сидеть дома и хоть что-то заработать, я устроился на полставки в пекарню неподалеку. Работа так себе, запах свежей выпечки, который так радовал в детстве, уже надоел до чёртиков, но в любой кризис лучше быть поближе к жратве. Сегодня моя смена вечером, а сейчас у меня тут в центре кое-какие дела...

Продвигаюсь по улицам, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Впрочем, никто и не стремится пялиться в глаза. Это хорошо. Почти у каждого в доступном месте блокнот и ручка, кое-кто просто держит это элементарное средство общения в руках. Некоторые используют для этой цели коммуникаторы.

У меня есть и то, и другое. А как иначе в этом мире глухих?

Обычный мобильный телефон утратил свою основную ценность, став лишь органайзером и средством передачи текстовых сообщений (правительство специальным указом обязало операторов мобильной связи удвоить длину смс при сохранении цены). Впрочем, думаю, им на смену придут более удобные устройства. Уж кто-кто, а электронные корпорации идут в ногу с модой. А вот и доказательство...

У дверей супермаркета электроники заметная очередь. Люди, весьма прилично одетые, покорно ждут чего-то. Я догадываюсь, по какой причине они собрались. «Альфа 3000». Новый планшет с инновационной технологией распознавания голоса и перевода его в текст. Его продажи начались несколько дней назад и, естественно, желающих оказалось слишком много. Такое столпотворение я видел разве что сразу после пандемии в магазинах медтехники, когда люди рванули покупать слуховые аппараты. Ажиотаж тот длился недолго – пока народ не разобрался, что устройство, помогающее лишь при частичной потере слуха, ничего им не даст. «Уховёрт» знал лишь два приговора – глухарь или слухач. Третьего не дано.

Рекламный ролик, транслируемый на экране в витрине, показывает пару, пьющую кофе за столиком в кафе. Белоснежный планшет лежит ровно между ними и то, что произносит мужчина, текстом отражается на стороне девушки. То, что говорит она – на его стороне. Появляются на планшете с обеих сторон, естественно, слова любви.

Пожалуй, я бы купил себе «Альфа 3000». Для конспирации, и вообще... Однако его цена, показанная в конце ролика, неприятно удивляет. Хотя чему удивляться? Это – бизнес. Спрос рождает предложение.

Иду дальше, думая о том, как это, наверное, ужасно – постоянно жить в шумящем коконе собственного черепа, куда не доносятся звуки извне. Одно время я использовал беруши, чтобы чувствовать то же, что и остальные, и таким образом сливаться с толпой, но надолго меня не хватило.

Улицы несут на себе печать всеобщего уныния и бардака. Местами это неочевидно визуально, но чувствуется на уровне каких-то неведомых волн, в лицах и позах людей, которые, кстати, почти перестали улыбаться. Магазины и кафе открыты, но посетителей в них мало, за исключением букиниста – там весьма оживленно; за неимением других развлечений люди снова стали читать. Ветер треплет на стенах совсем старые афиши о концертах еще довирусной эпохи. Новое объявление только одно – о гастролях какого-то цирка.

Да у нас тут, если разобраться, весь мир – один сплошной цирк.

Далеко за примером ходить не надо. На перекрестке безумного вида растрепанный мужик в грязном плаще цепляется к прохожим, рассказывая, что «Уховёрт» – изобретение военных, которые хотели изначально сделать человека телепатом, но у них ничего не вышло. И над ним самим злодеи в погонах тоже ставили опыты, но ему вместе с лабораторными обезьянами удалось сбежать через канализацию. Фантазия у мужика о-го-го, хотя то, что вирус возник не сам по себе – факт очевидный, но, разумеется, тщательно от народа скрываемый.

Связываться с полоумным бродягой нет ни малейшего желания, поэтому я перехожу дорогу, активно поглядывая по сторонам. В потоке машин наблюдаю велосипедиста, из шлема которого торчат два рожка зеркал заднего вида. Правильно. Он тоже привык оглядываться. Ведь клаксон сейчас практически бесполезен.

Когда голос сумасшедшего смолкает, я осознаю вдруг, что город пронизан безмолвием. Не тишиной, нет. Шарканье подошв, рев моторов машин, стук какого-то строительного инструмента... Звуки заполняют улицу, но среди них нет голосов. Нет детского смеха, женской болтовни, нет разговоров по мобильному, нет веселой музыки, звучащей из кафе...

А еще на двери магазинчиков и лавок больше не вешают колокольчики.

Мрачно.

Но через два квартала картина еще мрачнее. Там, в центре сквера недавно воздвигли памятник... Памятник звуку. Мемориал представляет собой четыре огромные квадратные стелы, изображающие динамики, а между ними нотный стан с огромным скрипичным ключом. Наверное, скульптор счел на этом свою композицию оконченной, но люди развили его мысль. По-своему. В пространство между линиями нотного стана стали вписывать в стиле граффити имена певцов и музыкантов, кто ушел из жизни, не пережив расставания с музыкой, а под этим мемориалом ушедшей эпохи люди стали оставлять не цветы, а символы прошлой жизни – плееры, магнитофоны, наушники, кассеты, компакт-диски и даже раздобытые невесть где грампластинки. Со времени моего последнего посещения эта гора ощутимо подросла и обрела золотую вершину – кто-то установил наверху самый настоящий саксофон. Прибавилось на стене и имен. Многие были знакомы. Некоторыми я заслушивался когда-то в плеере по дороге в универ и домой.

Они не выдержали. Сами ушли из жизни. Поступок слабого или сильного? Что сделал бы я, окажись на их месте, когда все, чем жил, исчезает безвозвратно? Не хочется думать. Слишком больно и страшно.

Отворачиваюсь от места современного паломничества и иду дальше.

Мартин, высокий смуглый брюнет, мой бывший однокурник и по совместительству мелкий криминальный делец, ждет на условленном месте. Увидев меня, он в знак приветствия поднимает руку. Я киваю. Вообще-то он тоже слухач, но так спокойнее. Мы обмениваемся крепким рукопожатием, затем он жестом приглашает меня следовать за ним.

В темном баре, куда мы спускаемся по крутой винтовой лестнице, пахнет жареной картошкой и табачным дымом. Людей немного и... они разговаривают! Я оторопело смотрю на Мартина, и он изгибает губы в снисходительной улыбке:

– Тут безопасно. Стоило того, чтобы тащиться через весь город, верно?

Мы берем за стойкой пиво и две пачки чипсов. Затем бармен дает Мартину ключ от маленького банкетного зала, где сейчас абсолютно пусто.

– Хозяин заведения – мой родственник, – поясняет Мартин, когда мы располагаемся с одного края стола так, чтобы на всякий случай видеть вход. – Ну, что? Рад тебя видеть! Как оно вообще? Как семья?

– Предки совсем в себя ушли. Мать в бесконечной депрессуре, отец не лучше. Матери еще хоть как-то помогает, а я... сам по себе.

– Можно сказать, повезло. Мой отчим, узнав, что я слухач, выгнал меня из дому.

– Ни хрена себе! И где же ты живешь?

– У Бэллы.

– Она...?

– Она – глухарь. Но неагрессивная. Так, истерит по мелочам. По-женски...

– Ты долго шифровался. Как попался-то?

– Кран прорвало ночью. Начало квартиру затапливать. Я услышал шум воды. Разбудил. А вместо благодарности... Такая вот фигня, – Мартин отхлебнул пива.

– Да уж, история...

Мой товарищ вздыхает и задает риторический для наших реалий вопрос:

– Скажи, вот откуда в глухарях эта херь берется?

– Вирус. Я других вариантов не вижу. Да мы это уже не раз обсуждали.

– Я все равно не понимаю. Нас мало. Нас ценить нужно. Мы бы и в бизнесе, и в госсекторе могли бы неплохо присесть. А у нас не жизнь, а сплошное подполье. Я с пушкой и во сне не расстаюсь. Про группировку радикалистов «Черный Полдень» слышал?

– Это слово теперь анахронизм, Мартин, – говорю я, имея в виду его «слыхал». – А про «Полдень» в сети много пишут, да.

– Сволочи! Это они Старки замочили.

– А полиция чего?

– А оно им надо?

– Вот дерьмо! Что дальше будет с этим миром, а?

– Анархия. Вот увидишь.

Хоть я и сам не предрекаю человечеству светлого будущего, с Мартином мне хочется поспорить.

– Не факт, – говорю. – Просто времени больше нужно на адаптацию. Слух ведь у человека испокон веков был. Перестроиться так быстро невозможно. Сам посуди, за последние полгода как настроения менялись вокруг. Сначала страх, что это вообще происходит. Потом надежда, что слух вернется. После, когда ученые признали процесс необратимым, депрессия – привычный мир рухнул, 90% населения – калеки. Теперь вот период приспособления – все эти новые устройства и технологии. Дойдут и до того, что звуковые колебания будет не само ухо воспринимать, а напрямую мозг – такие прототипы уже даже созданы, я читал.

– Ага. Вот только слухачей к тому времени не останется.

– Умеешь ты подбодрить... А я тебе хотел рассказать, что универ наш осенью снова открывают. Правительство разработало новую программу. Будут по экранам и книгам учить. Без голоса. Вернулся бы? Один год доучиться?

– Руди, мы о чем сейчас говорили? Какая нафиг учеба? Тебе или глухарем в универе притворяться придется или из тебя козла отпущения сделают.

Он замолкает, затем встряхивает челкой, кривясь на какие-то свои мысли.

– Слушай, давай о деле, а? Принес?

– Да. А ты?

Мартин подходит к двери, осторожно выглядывает в щелочку, затем возвращается за стол и достает из-под куртки сверток. Кладет рядом с бокалом и накрывает рукой.

– Руди, мы друзья, но...

– Конечно-конечно!

Я достаю перетянутую резинкой пачку купюр и протягиваю ему. Он считает. Удостоверившись, что все верно, пододвигает мне товар и информирует:

– «Вальтер», 9 миллиметров, магазин на 12 патронов. Подплечная кобура.

Киваю. Разворачиваю сверток. Все так. Мой заказ.

– Если не секрет, откуда у тебя деньги? – интересуется Мартин, показывая, как снимать с предохранителя и вытаскивать магазин. – Неужели подмастерье в пекарне так много зарабатывает?

Вообще-то о стволе я подумываю уже давно. Но Мартину отчего-то говорю иное:

– Я на «Альфу 3000» собирал. Чтоб не выделяться и все такое...
– А, новый планшет с переводчиком... Видел, сколько он стоит? Как два таких, – жест в сторону пистолета. – Или даже три...
– Видел, – киваю. – Как раз проходил мимо магазина. Совсем оборзели, суки.
– Уж они своего не упустят. На музыке денег не сделать, так они или на электронных книгах или на чем-то вроде этих планшетов заработают. Кстати, вот та штука, что сразу звуковые колебания в мозг отправляет – представляешь, сколько стоять может?
– Ясное дело, до фига. А вот владельцы звукозаписывающих компаний точно разорились. И киностудии тоже.

– Кино будет, не сомневайся. Правда, немое, как раньше. Да уже сейчас вроде некоторые кинотеатры пробуют фильмы с субтитрами пускать.

– Да? Интересно, – говорю я по инерции, хотя на кино мне плевать.

Я прячу попку на дно рюкзака. Пока так. Дома рассмотрю получше, потренируюсь «насухую» без патронов, да и кобуру отрегулирую без суеты. Я ведь совершенно без опыта в этом деле, все знания из сети почерпнуты.

– Кстати, – напоминает Мартин, наблюдая за моими действиями. – При нынешних обстоятельствах обвалилась цена на глушители. Не нужно?

Отрицательно качаю головой. Ну, куда мне еще и глушитель?

Дело сделано. Мы перебираемся в основной зал и берем еще по бокалу. Как же это приятно – оказаться в нормальной человеческой обстановке. Негромкая музыка, голоса за соседним столиком. Как раньше, до вируса.

О серьезном больше не говорим. Вспоминаем знакомых, обсуждаем сетевые сплетни... Я рассказываю прочитанную недавно историю о слухаче, спасшем корабль, попавший в шторм. Он случайно услышал SOS по радиации в дежурке порта, записал координаты, и благодаря этому двадцать человек экипажа остались живы. Но засветившегося парня-слухача потом подставили коллеги, и, не смотря на свой подвиг, он лишился работы.

Мартин пересказывает кажущуюся совершенно нереальной байку о свихнувшихся певцах-глухарях, которые захватывали слухачей, держали их в плену и пели для них, заставляя аплодировать, выпрашивать автографы и все такое.

Когда же за нашим столиком воцаряется пауза, Мартин спрашивает:

– Лиза не писала?

– Нет, – качаю головой.

Упоминание о Лизе навевает грусть и возвращает меня к безумной идее с глобальным телефонным обзвоном. Я смотрю на часы и, понимаю, что мне пора.

Красный телефонный аппарат. Одиннадцать цифр. Надежда на «алло» на том конце провода и бесконечные гудки, как гвозди, которые судьба вколачивает в крышку гроба.

Сброс. И новый номер из телефонной книги Кватервиля.

Что будет, если я дойду до конца списка, и мне никто не ответит? Сдамся я или начну с начала? Или все-таки поеду туда наудачу?

Мои безуспешные пока сеансы связи проходят в реквизиторской комнате городского театра. Именно того, который сейчас закрыт. Именно того, в котором играла моя мама, а я приходил к ней когда-то после школы. Собственно, поэтому я и знаю про телефон, и про это место, и про запасной ключ, который обычно лежит сверху, на коробке распределительного щита. Вернее лежал, пока я его не забрал себе. И теперь я здесь единственный посетитель, глухой и вечно пьяный сторож не в счет. В само здание я забираюсь через крышу с соседнего дома – и там, и там, путь через чердак открыт. Несколько лестничных пролетов, пара переходов, унылый коридор и, не доходя десяти метров до выхода в закулисы, помещение для хранения реквизита. Бюсты из папье-маше, пенопластовые колонны, деревянные мечи, кубки из жести и все такое в том же духе...

Комната без окон, так что я смело включаю свет, достаю свою распечатку с номерами, сажусь на бутафорский трон рядом с красным телефоном и звоню...

Сброс. Одиннадцать цифр. Тринадцать гудков. Ничего.

Итак, полторы сотни раз за сегодняшний сеанс...

Я кладу на рычаг нагревшуюся от моего долгого держания рядом с ухом трубку и закидываю голову вверх. Может быть, все это не имеет смысла? Может быть, я не нужен ей?

Ведь что у нас, в сущности, было? Пара свиданий, за время которых я, однако, явственно ощутил, что хочу быть рядом с этой девушкой. А она? Она тоже увидела что-то во мне... Или я сам себя утешаю? Уже прошло полгода. Она могла совсем забыть меня...

Я снова вспоминаю ту последнюю нашу встречу. Я уже чувствовал себя не очень хорошо, но ее компания и ее внимание придавали мне сил, и вечер прошел замечательно. Я сказал ей... Да, помимо всех других слов я нашел силы сказать, что она дорога мне. Она сказала, что очень рада, что мы встретились. И мы поцеловались. Я запомнил тот поцелуй, потому что кроме сладости в нем было и другое. Мне тяжело про это думать, но... Полагаю, этим поцелуем я и заразил ее, передал вирус. На следующий день я уже едва мог встать с кровати. Мы еще перебросились несколькими сообщениями, а потом «Уховёрт» вцепился в меня и отпустил только через полторы недели, когда в мире уже начал разверзаться ад. Болели тысячи, затем сотни тысяч, медицинской помощи на всех не хватало. Начались перебои с водой и электричеством, потому что большинство дееспособных граждан лежали пластом по домам. Продукты в магазины подвозились с большой задержкой. Вырубалась сотовая связь и Интернет.

Я никак не мог связаться с Лизой и не знал, как ее найти. Дитя современных коммуникаций: у меня были адреса ее почты, блога, аккаунт в социальной сети, номер мобильного и номер скайпа, но не было элементарного домашнего адреса.

Лишь через полтора месяца, когда вирус уже шел на спад, я получил от нее письмо с какого-то незнакомого ящика. В нескольких строчках Лиза сообщала, что в начале пандемии родители увезли ее к бабушке на другой конец страны, в маленький городок Кватервиль, где нет мобильной связи, а Интернетом пользуются лишь в полицейском участке и библиотеке. Она написала, что люди там живут набожные, много времени проводят в церкви и считают вирус карой божьей. Ей не очень нравится там, но в Кватервиле безопасно, и оглохшие не испытывают ненависти к слухачам, как в других местах. Последнее особенно важно, так как она сама слух не утратила. Она написала, что скучает и мечтает встретиться, но родня пока никуда ее не отпустит.

На радостях я написал ей ответ, что тоже слухач, и очень хочу приехать к ней, но ответа я так и не дождался. Авантюрное желание бросить все и ехать к ней через всю страну, в этот самый Кватервиль, постепенно сменилось сомнениями и раздумьями. Изучение карты вкупе с новостями о кордонах на дорогах и вводимом по всей стране комендантском часе тоже поумерили мой пыл.

Я решил, что прежде чем что-то предпринять, должен поговорить с Лизой.

Единственный способ связи виделся мне только через городской телефон. Тогда я раздобыл телефонную книгу Кватервиля и начал тотальную переключку.

После дневной смены в пекарне вечер дома. Захожу в комнату родителей. Они смотрят новости по телевизору. Динамик телевизора выключен, по экрану бежит строчка субтитров, но, увидев меня, отец жмет кнопку «звук». Вид у него при этом такой, будто он делает большое одолжение. Я не реагирую. Они и раньше меня не сильно баловали вниманием. Детство я вообще, по сути, провел с бабушкой. Сейчас же, после вируса меж нами пролегла настоящая пропасть.

Пока еще новостные блоки и телепередачи идут с озвучкой, но надолго ли сохранится эта традиция? Слухачей мало. К тому же слухач не переломится прочитать бегущую строку. А то и освоить сурдоперевод...

«Всемирная организация здравоохранения призывает к мобилизации средств и ресурсов для скорейшей разработки вакцины, позволяющей вернуть утраченный слух в следующих поколениях. Наши дети должны слышать...»

«Ультралевые партии в парламенте готовят законопроект, запрещающий сохранившим слух гражданам баллотироваться в местные советы под предлогом того, что эти люди не смогут в полной мере проникнуться проблемами слабослышащего электората...»

«К настоящему моменту уже открыто около пятидесяти школ по ускоренному изучению языка жестов и дактилологии...»

Меня надолго не хватает. Молча выхожу из комнаты, делаю себе на кухне чай, выгребаю на тарелку принесенные из пекарни пончики и иду к себе. По пути замечаю, что отец снова выключил звук.

Мертвая тишина... Как же она надоела! Я задергиваю шторы, сажусь за компьютер и одеваю наушники. Я очень соскучился по музыке! По инерции набираю адрес любимого музыкального портала – одно из многих виртуальных кладбищ минувшей эпохи звука. Или

музей... Многие подобные сайты уже закрылись, и я боюсь, что настанет момент, когда не останется ни одного. Мой фаворит, впрочем, жив. Только на первой странице красуется какая-то новая надпись...

«Дорогие сохранившие слух посетители!

В связи с возросшей неприязнью со стороны остальных граждан будьте крайне осторожны! Не афишируйте свою особенность при незнакомых людях. Не включайте громко музыку дома или в машине, не ходите с плеером по улице. Не скачивайте аудиофайлы с непроверенных сетевых ресурсов, ваш компьютер может быть отслежен...

Наш сайт уделяет большое внимание безопасности посетителей. С нами вы можете быть спокойны...»

Даже так! А я вот насчет сетевой безопасности на таком уровне раньше не беспокоился... Могут отследить... Хм... Странное предчувствие колет сердце. Мне тут как раз спам чудной накануне пришел... Не связаны ли эти вещи, а?

Захожу на почту, открываю корзину, куда мне автоматом сваливаются все подозрительные сообщения. Так... что у нас здесь?

Предчувствие не обманывает. Письмо весом в несколько мегабайт чем-то неуловимо выделяется. Впрочем, выделяется, конечно, темой. «Обращение к слушачам!». Интересно! Вряд ли это что-то опасное, но на всякий случай прогоняю письмо через жернова антивируса. Чисто.

Ладно, рискнем.

Внутри одна единственная строка: «Откройте приложенный аудиофайл».

Исполняю. Щелчок – и в наушниках звучит сухой мужской голос.

«Данное сообщение искажено для невозможности расшифровки электронными распознавателями голоса».

Ого! Что-то новенькое. Даже глаз от волнения начинает дергать, что у меня бывает крайне редко. Через мгновение эфир заполняет нечто вроде белого шума, сквозь который, меняя уровни и скорость воспроизведения, доносится искаженный голос с нотками металла. Слушать тяжело, но можно.

«Уважаемый Слышаций! К вам обращается инициативная группа проекта «Новый Город», состоящая из таких же, как вы, слушачей. Уже абсолютно ясно, что в современном обществе человек, не потерявший после эпидемии слух, превратился в изгоя, чье здоровье и даже жизнь находится под постоянной угрозой. Государство при этом не способно обеспечить не только конституционные права, но и элементарную безопасность всех своих граждан. Помощи от власти ждать не приходится. Выход лишь один. Для нашего выживания необходимо объединиться и создать свое общество, где мы сможем, как раньше жить и работать с уверенностью в завтрашнем дне. Наша цель – свобода и достойная жизнь без ущемления наших прав. Мы хотели бы достичь этого мирным путем, но если за свою мечту придется бороться – мы готовы к борьбе...

Если наш призыв заинтересовал тебя – за подробной информацией заходи на сайт «Новый город точка нэт». При входе – звуковая идентификация».

Вот и до этого дошло. Сообщество слушачей. «Новый Город». Неужели реальность? Ну-ка, ну-ка!

Прохожу конспиративную проверку на указанном сайте (женский автоматический голос шепотом диктует мне последовательность цифр для набора на клавиатуре) и начинаю изучать предложенную информацию, с каждой минутой увлекаясь все больше.

Проект негосударственный, но это и так ясно. Финансируется за счет средств каких-то телекомпаний и звукозаписывающих лейблов, а также отдельных состоятельных слушачей. В качестве первых лиц проекта выступают публичные персоны, сохранившие слух – заправилы медийной сферы, режиссеры, журналисты, музыканты, диджеи и музыкальные критики – в списке сорок один человек, половина из которых до катастрофы регулярно мелькала на тиви. Конечная идея грандиозна – государство слушачей на одном из островов в Тихом океане. Промежуточная же цель – собирать согласных на объединение слушачей в безопасных анклавах, местоположение которых пока не разглашается. Рассказано обо всем обстоятельно, внушает уважение.

Откидываюсь в кресле, переваривая. Да, честно говоря, впечатляет. Ведь это – выход, это – спасение. Не думал, что толстосумы (пусть и слушачи), ориентированные на зашибание бабок и прожигание жизни в своих дворцах и загородных клубах способны на такое, но, видимо, прижало. Видимо, в теперешних условиях даже им в одиночку не прожить. Подвоха тут я не

вижу. А бабки они, пожалуй, отобьют со временем. Личная безопасность – очень даже неплохой товар. Ведь купил же я у Мартина пистолет по этой самой причине...

Какое-то время раздумываю, хотя думать тут нечего. Альтернатив не существует.

Иду в раздел «подача заявки». Среди двадцати пунктов анкеты есть вопрос про партнера.

Мечтательно улыбаясь, я вписываю туда данные Лизы.

Снова одиннадцать цифр. Уже в который раз...

– Алло? Алло?

Детский голос на том конце линии ввергает меня в ступор. Этого события я ждал так долго, а сейчас язык прилип к нёбу и я ничего не могу сказать.

– Алло, – хрипло выдыхаю я в трубку.

– Ты демон, да?

О как! Интересный поворот.

– Нет, я не демон. С чего ты взял?

– Мама говорит, что сейчас по телефону звонят только демоны. Они хотят украсть наши святые души.

– Зачем же ты тогда взял трубку?

– Чтобы сказать, что я не боюсь тебя, демон. Я – будущий ангел!

Вот же угораздило! Единственный ответивший на почти две тысячи набранных номеров – ребенок с задурманенными мозгами.

– А сколько тебе лет?

– Семь с половиной.

– И ты будешь ангелом?

– Да. Я стану большим, потом умру, и после этого стану ангелом.

Мне начинает казаться, что все это – сон.

– Это потому что ты слышишь, да?

– Да. Господь наслал на нас кару. Кто грешил – потерял слух. Кто вел праведную жизнь – сейчас может слышать. И потом они станут ангелами. И я тоже. Так отец Грегор говорит.

Понимаю, что вопрос провокационный, но спрашиваю:

– А твои родители? Они оглохли?

– Да.

– Значит, они грешили?

– Грешили, – соглашается мальчик. – Но мы молимся за всех грешников. Отец Грегор говорит, что если много молиться и работать, Бог простит раскаявшихся.

Ужас! Но придется принять правила игры, ибо другого способа достичь цели я не вижу.

– Как тебя зовут, будущий ангел?

– Тони.

– Тони, а вас в городе много таких?

– Мама и папа говорят, что нельзя рассказывать про других праведников. Ты – хитрый демон...

Ага, нахрапом не выгорело. Пусть там у них и крутой замес на религии, но втолковать ребенку цель беречься от пришельцев извне и не выдавать слухачей – это при нынешней ситуации правильно. Или праведно. Ладно. Кажется, я придумал...

– Нет, Тони. Я тоже будущий ангел. Ведь я, как и ты, не потерял слух. Ты слышишь меня, я слышу тебя. Мы разговариваем. А демоны – они глухие. Разве мама не говорила тебе?

На том конце сосредоточенное сопение.

– Я не помню.

– Честное слово, Тони, я – не демон. Я – твой друг. Меня зовут Руди, и я ищу одну девушку. Она тоже... праведная... будущий ангел. У нее рыжие волосы и она приехала сразу после Божьей кары. Ее зовут Лиза.

– Я знаю Лизу. Она живет на нашей улице.

Уф! Я, наконец, понимаю, что вижу свет в конце тоннеля. Как же сделать так, чтобы он не погас?

– Тони, мне очень нужно поговорить с Лизой. Это крайне важно. Ты можешь сходить и позвать ее к телефону?

Я напрягаюсь, ожидая услышать, что родители Тони запрещают ему выходить из дома или разговаривать на виду у всех, но все гораздо проще.

– Ладно, я позову ее, – говорит Тони.

– Только не говори никому, – кричу я вдогонку, но трубка уже брякнула о столик. Впрочем, думаю я, даже если он кому и скажет, кто его услышит?

Через десять минут я слышу её голос и понимаю, что мучительные поиски наконец-то позади. Вот он – миг счастья!

– Лиза, здравствуй!

– Руди? Рада тебя слышать.

– Лиза, ты не представляешь, я так долго искал тебя. Я обзвонил почти всю телефонную книгу вашего Кватервиля.

– Люди отключили телефоны для безопасности. Кроме, кажется, одного...

Я представляю, с какой укоризной она смотрит сейчас на маленького Тони.

– Что у вас там вообще происходит? Что за помешательство на религии?

– Кватервиль вообще город набожных людей. Я тебе писала. А после вируса так вышло, что многие священники, включая главу местной церкви, сохранили слух. Ну, они и воспользовались ситуацией. Объявили вирус карой божьей, слухачей – святыми праведниками, а всех остальных людей – грешниками. Все подчиняются им, обязательно ходят в церковь. Они верят, если истово замаливать грехи, то Боженька вернет им слух.

– А люди со стороны?

– Демоны в обличье людей или грешники, продавшие им души.

– Охренеть! Как ты живешь там?

– Да вообще-то привыкла уже. К тому же, мы, праведники, в некотором роде на привилегированном положении.

– Ух-ты!

– А там, у вас... Таких, как мы, ненавидят, так ведь?

– Вроде того.

– Значит, наши отцы в чем-то правы...

– Может быть, – я не готов дискутировать сейчас на эту тему. – Слушай, Лиза, я ведь хочу приехать к тебе. Вернее за тобой... Не было и дня, чтобы я не думал о нас...

Молчание на том конце линии становится сначала подозрительным, а потом пугающим. Неужели...

– Руди... Ты мне тогда очень понравился... Но... С тех пор много воды утекло...

Она замолкает, и я сразу все понимаю. Понимаю, что опоздал.

Так и есть.

– Руди, здесь я познакомилась с одним парнем... сыном отца Грегора и... он сделал мне предложение...

Остальное уже неважно. Абсолютно. И упоминать про анкету на сайте «Нового города» смысла нет. Я как-то заканчиваю разговор, сухо прощаюсь и вешаю трубку.

Вот и всё. Столько дней жить этой мечтой – услышать ее голос. Столько набранных номеров, столько тщетных попыток. Все напрасно.

Я раздавлен. Я лишен любви, лишен цели, лишен смысла существования.

Оглядываю комнату для реквизита, последний раз смотрю на телефон. Я никогда сюда не вернусь. Здесь жила моя мечта и здесь она умерла. Занавес!

Я выключаю свет, закрываю дверь и ухожу гулким коридором.

Я жду, когда время меня вылечит. Я хожу на работу. Я зависаю в сети. Редкие вылазки в супермаркет, еще более редкие визиты к Мартину. Минимум общения с родителями. Из этого состоит моя жизнь. Одиночество. Случахи остаются за бортом, я все чаще думаю об этом. Глухарей большинство. Они учатся общаться на языке жестов (что интересно, женщины, для которых общение – вещь первостепенной важности, преуспевают). О них заботится власть и правительство. Под них прогибается общество, промышленность, институты культуры. Собственно, они – это и есть человечество. А слухачи больше не счастливы, однозначно. Они – белые вороны, которых вытесняют, причисляют к изгоям, бессмысленно презирают.

Я продолжаю оглядываться. Даже чаще чем раньше.

Хотя после тяжелой смены порой про это забываешь и бредешь себе понуро, глядя под ноги. Как сегодня...

Крик! Чёрт! Женский крик.

А вот теперь оглядываться опасно.

Но я все равно смотрю по сторонам. Людей на улице, к счастью, почти нет. Что это? Откуда этот шум? Кажется, что-то происходит за углом. Направляюсь туда, машинально запускаю руку под куртку к кобуре своего «Вальтера», с которым я теперь не расстанусь на улице. Можно пройти мимо, сделать вид, что я ничего не слышу, но я не могу. Мне надоело прятаться.

Женский визг, звук смачной оплеухи. За ним мужской рык и следом: «Ах, ты ж, сука!». Я ускоряю шаг и расстегиваю кобуру.

Взору предстают четыре фигуры в тупике между складами. Значит, с источником шума я не ошибся. Да, теперь устраивать беспредел в подворотнях совсем просто – глухари даже в десяти метрах, ничего не услышат, пройдут мимо и ничем не помогут. А, увидев то, что вижу я, и не станут помогать, даже если и окажутся свидетелями злодейства.

Растоптанные наушники на асфальте. Слухач. Вернее, слухачка.

Девушка прижата к стене двумя малолетними подонками лет шестнадцати. Третий держит ее за шею одной рукой, второй потирает ухо. Она ему вмазала, стало быть. Молодец девчонка!

Эй, а я ее знаю! Она работает на складе в том же здании, что и я. Недавно вроде как устроилась. Мы даже в кафе за соседними столиками в обеденный перерыв как-то перекусывали.

Внутри меня все клокочет. Волна гнева поднимается откуда-то из самых глубин. Мне хочется растерзать подонков и отомстить. За мою несчастную любовь, за несостоявшуюся жизнь, за свою роль в этом перевернутом с ног на голову мире. Одни эмоции... Я просто слишком долго все копил в себе.

Достаю пистолет, снимаю с предохранителя и вместе с тем понимаю, что стрелять в людей, будь они хоть трижды подонками и насильниками, я пока не готов. И вообще, я сделал лишь три учебных выстрела с момента покупки. Но вес оружия в руке придает уверенности.

– Эй, вы! – кричу во все горло и стреляю в воздух.

А в следующий миг понимаю, как это глупо и бессмысленно. Они ведь глухари.

Следующий выстрел выбивает крошку из кирпичной стены, к которой прижали девушку. Ага, заметили. Один из парней, крайний слева, начинает оборачиваться. Я приближаюсь к ним, и уже начинаю прокручивать в голове, как сейчас возьму их на прицел, заставлю отпустить девушку и уведу ее с собой, однако события развиваются совсем не так, как я мыслил.

Кто-то прыгает на меня сбоку, пытаюсь выбить пистолет из руки. С первой попытки это не выходит, свой «Вальтер» я держу крепко. Но мы валимся на асфальт, я сильно ударяюсь плечом и все-таки лишаюсь оружия. Пистолет отлетает куда-то в сторону. Противник наваливается на меня всем весом, я пытаюсь его скинуть, но он тяжелее. Я на лопатках и вижу уже над собой его перекошенное лицо с кривым шрамом, пересекающим бровь, вижу буравящие меня угольки темно-карих глаз. Вижу руку, занесенную для удара...

Удар! Успеваю увернуться от прямого попадания в нос, но костяшки его пальцев все-таки скользят по скуле, рассекая кожу. Тварь! Мы какое-то время боремся, затем он замахивается снова, но я на секунду опережаю его, цепляя ребром ладони кисть. Вот так, гад! Поперхнулся, да? Я собираюсь с силами и отталкиваю его от себя, помогая коленями. А в следующий миг ошеломленно замираю, выпучив глаза, при виде того, как секунду назад зажатая в тупике девчонка элегантными приемами восточных единоборств уделывает сразу троих противников. Нет, уже двоих, так как один отваливается и, держась за голову, оседает на асфальт.

Мой собственный противник злобно рычит и готов вновь броситься на меня, но замирает как вкопанный и смотрит сначала куда-то в сторону, а затем себе на грудь, где горит красная точка лазерного прицела.

В нескольких шагах в голос матерятся поверженные нападавшие. Голос, который раздается сверху и из-за спины, легко перекрикивает их причитания.

– Валите на хрен! Быстро!

Приказ, видимо, подтверждается красноречивыми жестами и демонстрацией явного превосходства в огневой мощи, потому что проигравший противник реагирует четко и быстро – удирает, захватив раненого. Через минуту проулок пустеет.

Я откровенно ничего не понимаю. Смотрю на девушку, которая меняет боевую стойку на расслабленную валяжную позу. Оборачиваюсь на услышанный голос и вновь поражаюсь. Незнакомец, испугавший местную шпану, выглядит так, будто сошел с киноэкрана или какого-то журнального постера. Сухощавый, высокий, за сорок. Длинные, наполовину седые, волосы

стянуты на затылке черной лентой. Татуха с драконом на шее, кельтский узор на запястье, серьга в ухе. Косуха, а под ней майка с эмблемой «The Pirate Bay». Черные кожаные перчатки без пальцев. В кобуре на поясе «Кольт» 45-го калибра – тот самый, с блоком лазерного целеуказателя. Освободившуюся от пистолета руку он протягивает мне и помогает встать.

– Ну, что, защитник униженных и оскорбленных, как же ты четвертого, стоящего на стрёме, проглядел?

Этот голос... Мощный, с хрипотцой. Я определенно его где-то слышал... Да и самого мужчину, кажется уже видел, но где? Неужто и впрямь в кино?

Ступая мягкой кошачьей походкой, подходит девушка.

– Привет! – восстанавливая дыхание после драки, она говорит односложно. – Я – Сара.

– Руди...

– Да мы знаем...

Сказать, что я в растерянности – значит, ничего не сказать. Я не понимаю абсолютно ничего, кроме одного – передо мной слухачи. И еще они чертовски похожи на героев комиксов.

– Может, объясните...

Мужчина в косухе тем временем подбирает с земли мой пистолет и протягивает рукоятку вперед. Машинально забираю оружие.

– Ну, что... На сайте «Нового мира» заявку оставлял?

– Да... – киваю растерянно. Со стороны я, наверное, похож на идиота.

– Ну, вот. Проверку прошел. Принят в команду.

Он смотрит на меня с едва заметной улыбкой, от которой в уголках глаз собираются маленькие морщинки. Стягивает перчатку с правой руки, протягивает ее:

– Алан. Будем знакомы.

– Руди, – повторяю я снова, и от этого чувствую себя вдвойне глупо.

Мы обмениваемся крепким рукопожатием. Я перевожу внимание на девушку и, чтобы как-то снять неловкость, говорю:

– А ты отлично дерешься.

– О, ты бы видел, что она с катаной вытворяет, – замечает Алан и поворачивается к Саре.

– Но девочка моя, я все-таки советую взять тебе какой-нибудь звучный псевдоним, потому что Сара Рутбертекер для такого таланта – это не вариант. Даже Руди Кравец, – он кивает на меня, – и то звучит гораздо лучше.

Он подмигивает девушке, а она показывает ему язык и это разряжает обстановку.

– Я подумаю, – говорит Сара с ухмылкой.

– Ладно, мисс Рутбертекер. Этот юноша – весь твой. Забирай его отсюда и вводи в курс дела. А я поехал.

– Пока! Встретимся в штабе.

Кивнув на прощанье, Алан отходит к незамеченному мной раньше красному чопперу, стоящему на выезде из проулка, одевает шлем и очки. Мотор байка оживает. Из выхлопной трубы вылетает сизый дымок. За мгновение до того, как человек в косухе трогается с места, я вспоминаю, кто он такой.

Алан Зигги, основатель и бессменный лидер хард-рок группы «ZeroPoint», которой я засушивался еще в школе. Обалдеть! Старина Зигги в игре! В игре под названием «Новый Город». И эта удивительная девчонка с ними. Получается, что и я тоже.

Мне становится отчего-то хорошо и легко. Будто я вырвался из плена уныния и безнадёги на волю.

– Пошли, – говорит Сара. – Я расскажу тебе, что да как.

– Пошли, – киваю я, и понимаю, что мое одиночество в мире глухих кончилось.

Февраль 2012.